

Прялка — «Кормилица, подарок и судьба»

Я — прялка. Возможно, в витрине нашего музея я выгляжу скромно: деревянная лопасть на ножке-стояке, широкое донце, на котором сидела пряха. Но не дай моей простоте обмануть тебя. Я — не просто орудие труда. Я — верная спутница женщины на протяжении всей её жизни, немая свидетельница радостей и печалей, символ домашнего очага и непрерывной нити, связующей поколения.

Моё происхождение: от корня до шедевра

Моя история уходит в такую глубокую древность, что назвать точную дату моего появления на Руси невозможно. Поначалу меня вырубали из одного куска дерева — ствол ели с корневым отростком становился единым целым: корень служил донцем, а ствол — лопастью. Такие прялки называли «копылами» или «копанями». Позже меня научились делать составной: донце вырезали из мягкой липы или осины, а стояк — из твёрдого клёна или ясеня. «На осине сижу, сквозь клён гляжу, берёзу трясу» — эта старинная загадка как раз обо мне и о веретене. Моим верным напарником всегда было веретено — точёная берёзовая палочка с утолщением и глиняным грузиком-пряслищем, которое помогало нити скручиваться ровно и крепко.

Как я кормила и одевала семью

Прядение было главным женским занятием с октября по март, когда заканчивались полевые работы. Но чтобы одеть всю семью, требовались поистине титанические усилия. Самая искусная пряха, работая от зари до зари, могла напрясть не более трёхсот метров пряжи в день. А чтобы получить всего 15 метров ткани, нужно было изготовить не менее двадцати тысяч метров пряжи! Поэтому меня дарили девочке уже в 7–8 лет, чтобы к замужеству она успела напрясть приданое и подарки для будущей родни. Долгими зимними вечерами казачки собирались вместе в одном курене, ставили меня на скамью, садились на донце и принимались за работу. Пели песни, вспоминали молодость, учили ремеслу малолетних девочек. А девушки на выданье пряли отдельно — с шутками да прибаутками, готовили себе сундуки с приданым. Сюда же заглядывали и молодые казаки — и на невест посмотреть, и себя показать.

Дар любви и семейная реликвия

Меня никогда не покупали просто так. Меня дарили с глубоким смыслом и от чистого сердца. Отец мастерил меня для дочери, жених — для невесты, муж — для жены. Нарядную прялку старались сделать особенно красивой: украшали резьбой и яркой росписью — райскими птицами, цветами, сценами чаепитий и прогулок. Городецкие прялки славились пышными розанами на киноварном фоне, ярославские «терема» — ажурной резьбой, а северные — строгими геометрическими узорами-оберегами. Меня бережно хранили, передавали от матери к дочери, от бабушки к внучке как великую ценность. Считалось, что пока я в доме — жива связь поколений и не прервётся нить рода.

Моё место в обрядах и поверьях

Со мной было связано множество обрядов. Когда рождалась девочка, пуповину ей перерезали на прялке, чтобы росла хорошей пряхой. Первую выпряденную нить сжигали, а пепел девочка должна была выпить с водой — чтобы мастерство впиталось в кровь. На свадьбе жених иногда разбивал прялку, подаренную родителями невесты, а вместо неё делал новую — в знак начала новой жизни. Существовало поверье: если на Масленицу девушка прокатится на донце с горки дальше всех — лён у неё уродится длинным-длинным. А вот класть меня на стол строго запрещалось — говорили, «сорок грехов наживёшь».

Сегодня я нахожусь в музее школы № 16 города Новошахтинска. И хоть наш город вырос на угле, а не на льне, моя история близка каждому, кто хранит память о предках. Земли, на которых стоит Новошахтинск, издавна входили в юрты донских станиц. В казачьих куренях я была в каждом доме. И пусть теперь на смену мне пришли фабричные станки, я продолжаю служить — теперь как хранительница памяти. Глядя на меня, вспомните своих прабабушек — терпеливых, сильных духом женщин, которые своими руками одевали семью, украшали дом и передавали тепло своих сердец следующим поколениям. Пока я здесь, в стенах нашей школы, не прервана нить, связующая прошлое и настоящее.